Ивана Ивановича Шитц
историк-преподаватель и энциклопедист

преподаватель истории, ученик П.Г. Виноградова, автор большинства статей энциклопедии "Гранат" по античной истории, а также статей по средневековой и новой европейской истории

==========

В одной из московских школ два года назад сменили администрацию за недостаточную «советскость». Обвинения были в смысле, что не на все школьные советы пускали детей, что добром поминали многое старое, что учили мыслить, а не принимать раз предуказанное, что придерживались взгляда о школе — дружной семье учащих и учащихся, что не вносили классового расслоения и т.д. и т.д. Учителя разошлись, школа обновилась и - замерла. Всякая жизнь кончилась, ученье шло тихо, «политики» из детей превратились просто в хулиганов, на которых приходилось опираться новой администрации. [...] в школе [...] скандал и развал.
8

Начался поход на Академию Наук, недавно осчастливленную новым уставом, согласно которому академические выборы ничьему утверждению не подлежат. В «Изв.» в субботу сразу три статьи: вторая передовица, приглашение от Академии выставлять кандидатов и по форме корректная, но показательная статья какого-то Милютина, перечисляющая труды историко-филол. отдела (все работы — по древним, притом церковным, памятникам письменности) с «уважением» к ним, но и с предложением ввести «современных» людей в члены Академии. Выборы свободны, но *кандидатов* могут предлагать *все* обществ, учреждения, начиная с ячеек и фабричных комитетов!! Воображаю, какая поднимется вакханалия с выдвиганием разных Фриче, Коганов, Покровских, Демьянов Бедных и др.
19-20

В одной из московских газет помещен носатый портрет «известного» Петра Семеновича Когана, «сидящего» у телефона, с пером в руках. Под картинкой подпись:
Увидя сей портрет, читатель чахнет,
И будет до глубин души растроган:
Здесь за версту листом лавровым пахнет, Увенчан славой Петр Семеныч Коган.
(Коган - президент (sic!) Академии Худож. Наук).
23

Вокруг выборов в Академию Наук разыгрывается вакханалия требований «нашей общественности», которая силится втиснуть в Академию своих, сменив прежнее кумовство кумовством по принципу «единственного научного миросозерцания» нашего времени.
25

история, как предмет, совершенно *вычеркнута* из курса преподавания в средней школе.
42

Образец педагогического законодательства *новый устав единой трудовой школы* (Изв. 22/VIII) 1928.
Не знаешь, чему больше дивиться: тут и с потолка списанные цифры возрастные, так что получается полная несогласованность; тут и подстановка *политики* вм. учения; тут и горделивое сознание авторов, что они творят «для истории» (о бедных детях и не думают); тут и замечательные педагогические «эксперты»: бабы с заводов, слесаря (все *пролетарии* зато).
50

И смех и горе. «МОНО» (Московский отдел народного образования) наконец решил, что надо провести «трудовые процессы» в школе, «которая называлась трудовой, но в которой до сих пор трудом и не пахло» (sic!). - Дальнейший план: «орабочить» школу, вводя насильственно туда рабочих, а *потом* можно устроить *обязательный* прием в вузы *без экзаменов,* но со строгим социальным отбором. Можно ли циничнее? Дураков - но своих.
51

открылась новая отрасль торговли. Уже приводят случаи, когда выдержавший экзамен интеллигент, не принятый туда, куда ему хочется, *меняет* свое место с пролетарием, который без усилий и испытаний принят в какое-нибудь специальное учебн. заведение, где он учиться *не может* по уровню своего развития и знаний. Так, был случай промены места в Межевом институте на более ценящееся место в Высш. Технич. учил. А пролетарию последнее часто не под силу, да и шел он больше по командировке, чем по внутренней потребности.
Не принятых в «вузы», выдержавших экзамены, и порою блестяще, - целая пропасть. Говорят, что на мед. фак. отказывали даже рабочим (принимают больше всего фельдшеров и сиделок). На каком-то электро-технич. отделе всего 4 места, - остальные «расписаны» между партийцами, комсомольцами, командированными. Всего обиднее два обстоятельства: 1) для серой публики *снижается* уровень требований; 2) и тем не менее, ко 2-му курсу не остается и половины, - место было занято зря.
Прежде Виппер писал *для среди,* школы учебник (Нов. Истории), который оказался достаточным для студентов. Сейчас появился какой-то Фридлянд, про которого рецензент с похвалой говорит, что учебник годится и для *совпартшколы* и даже для *рядового рабочего* (sic!).
55

Вчера по поводу приема в *вузы* подсчет: везде «рабочие» выпирают детей служащих; где последних было 50% в прошлом году, на приеме этого года не более 20%.
Так сознательно наши материалисты и дарвинисты уничтожают умственный «племенной скот». Хвалятся, что через 10 лет не будет ни в вузах, ни на служебных местах ни одного интеллигента.

На литерат.-худож. курсах новый заведующий Карапетьян производит чистку. Одному слушателю выдали документ с мотивировкой, почему его вычистили. Написано: «отсутствие производственного лица (общее образование); отрыв от масс (индивидуализм); идеологически - буржуазность».
Первое означает: почему не из фабзавуча, почему нет параллельного учению производственного стажа; второе и третье - понятно, хотя и глупо в равной степени.
Результат: армяша очутился перед дилеммой - ячейка гонит, а преподаватели отстаивают дельного студента. Кому верить? Наука - дело хорошее, но важна не она, а «идеология». Решено: пока оставить «на стаж», с обязательством проявления себя «на общественной работе».
56

Со всех сторон только и слышишь о невероятно нелепых отказах в поступлении в высш. учебн. завед. Сегодня сообщили такой:
Некая Колпинская, служит в ГИЗ'е, весьма подкоммунивает. Вдова. Муж - старый большевик, участник Свеаборгско- го восстания, бежал, жил в эмиграции, умер в Италии. Жену советская власть вызвала сюда, памятуя заслуги ее мужа и обещая ей хорошие условия жизни. Ее сын держал в I МГУ на этнографии, отделение. Склонен к археологии. Знает итал. и франц. языки. Держал отлично, особенно по обществоведению, представил документы: от итал. секции Коминтерна, от О-ва старых большевиков и от своей комячейки, где сказано, что не принят в комсомол лишь по слабости здоровья, не позволяющего нести обществ, работу.
Отказ - «за недостатком места».
Теперь Горький послал от себя просьбу в апелляц. комиссию. Секретаря Горького «приняли холодно».
56-57

Прежний ботаник, рассматривавший приемные листы новых студентов Тимирязевской Сел.-хоз. академии, утверждал, что среди принятых много *провалившихся* на экзамене *почти по всем* предметам. Это, конечно, благородные представители крестьянства и робкого пролетариата.
59

Академические выборы проходят под очень большим давлением. Вчера ленинградская Секция научных работников объявила свои кандидатуры, начиная с Покровского и кончая Бухариным, и прибавив еще «отрицательную» оценку нежелательных лиц: среди них известнейший византинист *Бенешевич* (он де занимается «узкой темой» — о ранней церкви); один из немногих наших оригинальных и широких географов — ихтиолог и исследователь Аральского и Каспийского морей с их усыханием (сказано, что он антидарвинист и не творец науки - sic!!) - *Л. С. Берг;* отвергнут и *Любавский* и *Железнов.* Зато проводятся *Лукин* (sic!), *Деборин* (sic!!).
Сегодня в газете аналогичное постановление московской секции, — получается, что обе секции сговорились и, м. б., чтобы хоть этим путем дать

понять *о давлении* сверху. Теперь остается слово за самими академиками. Грозили им всячески и сильно.
59

Некто Мандельштам, пишущий под фамилией Лядов, вчера негодовал в «Изв.», что «мы не себе готовим смену, а профессора готовят смену себе» из молодых ученых. К ужасу оказывается, что по «отвлеченным» (sic!) математическим наукам готовится 300 с чем-то аспирантов, а по сел.-хоз. отрасли всего 200 с небольшим. И притом из 1 000 готовящихся целых 18 из духовного звания.
Этот же автор высказывает глубокомысленные соображения на тот счет, что памятники старины ценны иногда лишь в одной своей части, а посему следовало бы и оберегать не целые здания, а ценные их части, напр., ворота, - ломая остальное или отдавая здания под *исполкомы* и *детдома,* а монастыри непременно для антирелигиозной пропаганды.
60

Академические выборы принимают характер прямо скандальный. [...] о Лукине написал некто Моносов, что-то вроде преподавателя на рабфаке — и это рекомендация для академика! О Покровском написал какой- то Горин, говорят, ***секретарь*** общества историков-марксистов, где Покровский состоит председателем. А о Фриче — даже не лицо, а ассоциация Рапита, где он ***начальник.*** Восхваления нелепые, вроде того, что Фриче ***придаст авторитетность*** (sic!!) Академии Наук; Лукин превозносится как работающий по источникам, и тут же указывается, что он впервые проник в Архивы лишь два года назад; цитируются ***«наугад»*** (sic!) обычные заключительные строки его работы по Парижск. коммуне, копирующие слова Маркса, и т. п. А про Покровского все больше насчет того, что еще рано подводить итоги его работе (есть ли они?), он еще в расцвете творческих сил (60 лет!!), когда людей старше 50 л. объявляют у нас непригодными...
62

Нынче в газете о предполагаемом разгроме б. Румянцевской библиотеки: наметили к увольнению Готье, Хавкину, знаменитого книгоуказателя Краснова (Кваснова?)...
62

Везде крики о том, что пора заменить старых людей новыми спецами из низов. А вот образцы.
Аспирант (по-прежнему: оставленный при Университете, через год-другой доцент, на кафедре) приступает (только после оставления при Университете) к изучению нового языка. При чтении ему - агроному - попадается *Аргентина*; не знает, что такое. Тем более не знает Никарагуа, а на объяснение, что это государство в Америке, уверенно говорит: «ну да, в Соединенных Штатах».
65

Аспирант общественник, лет 30, человек *неглупый,* после занятий *языком* подходит к преподавателю за объяснениями:
1) В книжке о каком-то французском художнике сказано: «французский Микель Анжело, он...» и т. д. Спрашивает: «а ведь я всегда думал, что Микель Анжело итальянец».
2) Прочитав слова Помпея, Равенна, спрашивает: «что это, места что ли какие?» Преподаватель в двух словах говорит о Помпее, засыпанной извержением...: «разве вы этого не слыхали?» Ответ: «Так вот что...» (задумчивый взгляд)... «а то Равенна, стало быть» (sic!!).
Всего хуже то, что эти подчас хорошие головы доводятся до истощения и сумасшествия зубрежкой. Тщетные усилия: нельзя во взрослом виде учиться азам, которые ***с*** *детства* впитываются из обстановки.
65-66

При «общих» выборах в Академию из навязанных кандидатов прошли: Крыжановский («создатель новой науки - планирования»), Рязанов (издатель Маркса и Энгельса, создатель института их имени - на большие деньги, отпущенные правительством, ярый библиофил и - никакой ученый), Бухарин (парень бойкий, развязный, умный и с хорошим образованием, подозрительный теоретик подозрительного предмета - ленинизма, ныне гонимый за какой-то уклон), и М. Н. Покровский, едкий разлагатель, слюнобрызжущий критик, не автор какого бы то ни было исследования.
Забаллотированы: Фриче, Деборин, Лукин; первый - компилятор и публицист-марксист; второй - философ-марксист, сочетание достаточно нелепое; третий - посредственнейший из учеников талантливого Р. Ю. Виппера.
Как-то будет «реагировать» советская печать, а пуще разные месткомы из агитаторов и «технического персонала», выдвигавшие сих кандидатов
79-80

Академический скандал разрешается. На днях финский ученый Тальгрен обратился с письмом по поводу «Семинариума Кондаковианум», газеты напечатали это письмо рядом с тут же помещенным «достойным ответом русского ученого», именно Жебелева, который, сказав «а», вынужден сказать и «б», все гуще и гуще доказывая свою «советскость». Кстати пристегнулся и Марр, с излияниями совсем уж неубедительными и даже грубоватыми. А Европа смотрит! Тальгрен имя очень крупное.
Нынче дальше: в Академии было заседание при участии новых академиков (правда, собралось всего 40 чел. вместо 80); высказывались по поводу неизбрания трех коммунистов. Президиуму (увы, среди них и Платонову) пришлось отстаивать перевыборы вторичные, тогда как другие доказывали ненужность и неправильность таких перевыборов. Особенно резок, по-видимому, был И. П. Павлов (величина совсем уж мировая), против выступал и Петрушевский, и, к великому многих изумлению и к негодованию коммунистов, столь подкоммунивающий всегда Сакулин, только что избранный в академики.
Скандал на всю Европу.

А в «Правде» выступил Ларин с недвусмысленными угрозами: надо бы перетрясти академию, не выбирать пожизненно, а на 10-летний срок и т. д. и т. д.
83-84

уничтожили фабрикантов, бравших 10-15% прибыли и оставлявших ее почти всю в деле на его расширение (так действительно шла индустриализация), а теперь пускаем к себе крупицами *рвческий* иноземный капитал (типа пресловутого Нат- тег'а), даем ему наживать 80%, из которых 30 отбирает себе правительство, а обыватель страждет, платя неслыханные цены за бесконкурентный, след., дрянной товар.
И так во всем. Не пускаем в вузы детей интеллигенции (попросту, оставляем без применения и смариваем «племенной скот»), зато усиленно вливаем туда явно непригодный для науки серый элемент, который занимает места, обходится очень дорого (стипендии, дополнительное обучение и т. п.), а в конце концов уходит, не вынеся науки. Из 10 едва *двое* годятся для работы. Говорим о будущем бессословном государстве, об обязательности труда, а не пускаем на фабрику целые категории граждан!!
85-86

В «Изв.» Луначарский обрушился остро написанным фельетоном на академиков, которые позволили себе «пошутить с огнем». Раза 4 этот пассаж в фельетоне повторен, наряду с угрозой отнять у Академии ее имущество ученое и отдать на использование коммунистическим учреждениям. Прелестно одно место, где стремления академиков, старавшихся мириться с советской властью, объявлены «доходившими до настоящего комизма»; они «напоминали ту знаменитую сцену у Пушкина, в которой дядька говорил Гриневу перед лицом грозного Пугачева: «поцелуй ручку, плюнь да и поцелуй ручку у злодея». - Здесь очень мило это сопоставление советской власти с Пугачевым.
88

Ольденбург письменно поздравил всех новоизбранных академиков. Все, даже Бухарин и Покровский, ответили благодарностью за поздравление. Рязанов вместо благодарности отправил Ольденбургу письмо (разослав другим копию с него), где выступил против болтологии (sic) Академии, сравнивая академиков с дворянчиками времен Николая Палкина и предлагая Академию упразднить, разбив ее на отдельные институты. Зачем он шел в Академию?
89

Подпалочных академиков - Деборина, Фриче и Лукина - все-таки «выбрали».
90

Некий Лядов (Мандельштам), стоящий во главе Главнауки (?), заявил, что «наша задача» за 50 лет уничтожить всякое воспоминание о том, что когда-то существовала барско-буржуазная культура. А для этого необходимо снести церкви, оставив лишь редкие немногие экземпляры, снести барскую

архитектуру, продать за границу иконы, оставив лишь редчайшие спрятанными, не показывая их публике, лет на 50. [...] На съезде ученых тот же Лядов, обрушиваясь на интеллигенцию, музеи, академию и университеты, говорит со злобой о том, что Историч. Музей набрал 32 000 икон, а проф. Богословский на средства Академии напечатал труд, где выясняет, какими подьячими написаны главы *обложения* (sic!). Речь идет, по-видимому, об Уложении Алексея Михайловича, где очень важно знать, *какою* обществ, средою выдвигались те или иные требования, средактированные нормы и внесенные в закон.
91-92

Среди властителей данного момента есть всякие, но особенное усердие из наркомов проявляют двое: Семашко и Луначарский. Первый - недалекий пьяница, и грубость его тона понятна, пожалуй. Луначарский считался писателем, интеллигентным и даже образованным человеком. Тем гнуснее проявляемое им все больше и больше подлаживание и паденье.
На днях на 10-летии Нахимовского рабфака он сказал (почти буквально) следующее: «Когда идешь к любимой женщине, захватываешь букет цветов или бонбоньерку; я прошу извинения, товарищи, за опоздание, но я не хотел придти к вам с пустыми руками: только что мною подписано постановление коллегии Наркомпроса о разрешении принимать рабфаковцев в вузы без всякого экзамена». (Раньше они сдавали конкурсный экзамен со всеми — и проваливались; в прошлые два года они сдавали экзамены весной - дома, у себя; теперь - *никаких* экзаменов).
99

Преследование «бывших людей» переходит всякие границы. Графа Павла Сергеевича Шереметева, проживающего в Остафьеве на кухне и служившего за 60 руб. хранителем своего дома-усадьбы, памятной по Вяземским, Пушкину, Карамзину, — в конце концов «прогнали», как «лишенца» оставили без хлебной карточки, а когда неделю назад к нему съехались родичи на похороны его давно лежавшей в параличе матери, то его «прокатили» в какой-то газетке. Он настолько заголодал и обнищал, что музейные работники, все люди с окладами ок. 50 руб. в месяц, собирают ему на хлеб и на брюки (он совершенно обтрепался).
Неслыханное глумление над человеком. И тот же Луначарский отлично знает все это — хотя бы потому, что у него хватало наглости жить летом в Остафьевском доме на даче.
100

В последнее время сильнейшему обстрелу со стороны «Комсомольской правды» подвергаются научные учреждения и художественные музеи. Между прочим - ГАХН, где «президентом» состоит мелкий приват-доцент (ныне, конечно, профессор) Коган Петр Семенович
100-101

из речи Рыкова на Съезде («Известия», 25 мая 1929) [...] казенный оптимизм в деле школы:
"...До сих пор еще можно в средней школе, а иногда и в вузе встретить людей, которые не совсем грамотно пишут. Оборудование нашей школы ниже всякой критики, несмотря на то, что у нас введены новые методы обучения, лучшие в мире. Положение учителя точно также оставляет желать много и много лучшего. Здесь нам предстоит огромный труд, так как от роста культуры, повторяю, в значительной степени зависит осуществление пятилетнего плана."
Оратор, по-видимому, даже не понимает юмористичности его утверждения про «методы», и уж конечно он жульничает, создавая у слушателей иллюзию, что «не совсем грамотно пишут в вузе» — по наследству от прежней школы все эти речи провожаются аплодисментами, все решения по ним выносятся единогласно, а «прения» сводятся к выкликам: «да здравствует», с прибавкой колокольных рассуждений: «а вот у нас до сих пор быка нет», или: «зачем в вузах 30% наших классовых врагов»? Говорят все те же лица, круг небольшой.
116-117

Натиск на высшую школу продолжается. Намечены к замене очень многие из старых и молодых почему-либо неугодных преподавателей. Т. наз. «аспиранты» (готовящаяся к профессуре молодежь) ходят, потирая руки: «мы их почистим»! Самих аспирантов и молодых из «красной профессуры», говорят, поделили на три группы: одних выпустят в столицах, других - в провинции, третьих, не выпустимых на кафедру, устроят в «производствах». Персонал, вообще говоря, мало подходящий, за редкими исключениями, ибо узость, ограниченность невероятная — в соединении с поразительным апломбом («то, чего мы не знаем, и не нужно знать»).
С другой стороны, все (начиная с пресловутого Покровского) говорят о продолжающемся «улучшении социального состава вузов» - именно о росте % рабочих среди слушателей.
118

газетки заявляют о необходимости *не выбирать больше* тех или иных профессоров на их кафедры — под самыми разнообразными предлогами: про одного слышали, что он «нанимает такси к генерал-губернат. дому», про другого (Борисов в сел.-хоз. Акад.), что он поет в церкви и след, не может преподавать метеорологию по-марксистски. К удалению наметили проф. Плетнева, «помиловали», говорят, Шатерникова и Мартынова, грозят математику Егорову и т. д. и т. д.
Студенты иногда требуют: «избавьте нас от этого старого хлама». А верхушки советские кадят молодежи, приглашая ее следить тщательно за «уклоном» и за «методами» старых профессоров.
121

А «новые» ученые? Кое-кто из молодых половчее стараются приноровиться, но основная масса — все эти аспиранты, «красные» профессора и т. п., мало пригодны.

В аспирантском рассаднике, где будущие профессора с азов проходят латынь (впервые ими узнаваемую) и новые языки, есть люди лет по 30, с «невывихнутыми» мозгами, по выражению т. Покровского. У них возможен, напр., такой «стиль» разговора с преподавателем (передаю *буквально):* «Товарищ преподаватель, — обращается аспирант по совправу, — чего я вам скажу: оказывается, Мирабо-то был граф?» - Да, ну и что же? - «А я так считал, что он из буржуазии мелкой (результат современного политического образования), ну, думал, из врачей что ли, а он оказывается еще адвокат...» - Да, был адвокатом. - «Так что же Матиэс-то его *почем зря кроет*?» (sic!).
121-122

И доносы, доносы без конца. Всяк на всякого. Вслух и даже печатно. В газетах считают возможным находить место для таких, напр., важных фактов, что такой-то студент не только «поддерживает связь» со своим семейством, но даже «столуется» у своего отца — «попа» (см. «Вечерняя газета», 4 июня). И таких сообщений *ежедневно* сколько угодно.
122

Во главе же культурных учреждений ставят заведомо непригодных людей, но достаточно грубых и - послушных.
В Историческом Музее выставку религиозного быта превращают в антирелигиозную; заведующий библиотекой портной Милынтейн говорит: «Зачем нам столько книг по *истории Франции*? Оставили бы одну, самую хорошую, и будет».
Удивительно ли, после этого, что «инспектор» выговаривает опытному педагогу за тему: «Горький - певец пролетариата». «Какой же он певец? Разве он поет? Ведь он же писатель, ну так и скажите - писатель». Словом, инспектор даже *записал* учительский грех в свою книжку
123

Беру самое *скромное* (28-6. 1929 «Изв».) газетное сообщение о «перевыборах» в высшей школе (в сущности, та же чистка); другие сообщения, особенно в «Рабочей Москве», «Комсомольской правде», «Вечерке», много резче. Одни профессора - очень старые, приемлются (если угодны); других за старость удаляют (правильно, если бы с сохранением содержания, уважением и без шельмования). Одни профессора принимают «всерьез» критику со стороны *студентов* и *рабочих,* другие резонно, в сущности, замечают, что критикующая инстанция некомпетентна. Часто доходит дело до *доносов,* всячески поощряемых, вплоть до вывешивания на видных местах соответствующих плакатов с просьбой сообщать, даже без подписи, факты из деятельности профессоров
128

«Классовое государство» в средней школе удаляет детей интеллигенции после третьей неявки в класс без уважительной причины. Как заявлено было вслух на одном профсобрании: «пускай попляшут, жаловаться некому, Каменева-то нет».
127

В одном из высших технических «вузов» уже прозвучал на заседании новый термин: «приемные испытания по куриям». Суть: испытаемые делятся на две группы: для пролетариата и крестьян задания облегченные, для интеллигенции - посложнее. Мотивы: «им достались все блага - чистые квартиры, образованные родители; пусть расплачиваются».
127

Тов. Вышинский (сегодня в «Известиях») уверяет, что профессорские перевыборы себя оправдали, хотя были допущены и промахи, среди них: не подумали о подготовке достаточного числа заместителей. За малым дело стало!!
131

Утром в 10 ч. длиннейшая очередь перед госизда- товской книжной лавкой: школьники дежурят, дожидаясь открытия магазина, нацеливаются на тетради. В газетах на днях сообщалось, что по разверстке приходится по 1 тетради в месяц на школьника в Московской губернии (или области?). Это в центре. Ну, а подальше?
138

То, что было прежде средней школой, наполнилось теперь самой пестрой толпой, где многим вовсе не нужно такой школы, и потому школа снизилась
142

В одной из замоскворецких школ старую учительницу сменила юная комсомолка, часто пропускающая уроки из-за «общественности» и быстро разладившая налаженное обучение. Между прочим, на вопрос о причине ухода Луначарского учительница дала такое объяснение: «он пил вино, много любил женщин, а его жена торговала бриллиантами». В таких словах донесла до дому слова своей учительницы 11-летняя девочка.
145

С интеллигенцией дело обстоит совсем плохо. Профессура отмирает, либо изгоняется; подроста же нет. Специалистов по всем ведомствам «снимают» (заменяя «выдвиженцами»), либо, что еще хуже, *сажают;* наиболее частое обвинение - вредительство. Химиков сидит чуть ли не половина всего наличного количества их.
152

В газетах есть уже статьи вроде *«Сумерки университета*» («Известия»), где доказывается, что университет — пережиток, надо его раскассировать на производственные школы. Сильно раздувают сел.-хоз. академию, развертывая 13 факультетов.
160

кажется, в истории еще небывалое явление. Бывало поголовное истребление завоеванных завоевателями; бывало предание *всех* в рабство; бывало положение крепостных, зависимых целыми миллионами, но и за ними оставались некоторые права. Впервые в Советском Союзе открыто *провозглашается* (см. особенно выступления Сталина) отступление от развития принципа постепенного приближения к *равноправию* и *принципиальное изничтожение целого класса общественного,* всех тех, кого угодно назвать кулаками, капиталистами и т. п. И притом их со всем их *родством,* восходящим и *нисходящим.*
Открыто отказывают их детям в возможности получать высшее образование и т. д.; отказывают им не только в политич. правах, но *в жилье:* им *не продают* продуктов (так с духовенством) и т. д. и т. д. Словом, 10-миллионная, примерно, масса людей обрекается изничтожению.
166

Удивительно ли, когда *директор гимназии*, по-нынешнему, «зав. трудовой школы», партиец, типографский рабочий, (выдвиженец) пишет квитанцию (видел сам): «получено от 4 трупе напоеску» (т. е. на поездку «бригады в подшефную деревню»).
180

Политика на так наз. «просвещенском фронте» ведется в том общем тоне [...] на знамени - стремление к «бесклассовому обществу», на деле — преследование «до седьмого колена» всех, кто связан по происхождению с общественными группами, отмененными революцией, и тупое стремление выдвинуть на места, где требуется в широком смысле интеллигентность, такие особи, которым она недоступна. Забывается «естественный отбор», забывается всякое естествознание, игнорируется целесообразность, только бы обеспечить «классу-гегемону» господство во всех верхах сложной жизни страны. И, как всегда, разумеется, лишь «примазавшиеся» умеют пролезть - вместе с пролетариатом - в высшие школы, где потом и стараются подладиться..

В Университетах, кстати сказать, расформированных и превращенных в какие-то группы «производственных», а попросту - чисто и узко прикладных технических школ, и в специальных высших учебных заведениях социальный состав считается «неблагополучным», если там не 80-90% рабочих. Подбор такого состава дается недешево. С этой целью не пускают подготовленных молодых людей, зато вербуют разные «тысячи» из рабочих, партийцев, приспособившихся, часто уже солидного возраста, таких, которые сами и 10 лет назад, когда могли это сделать, не стремились к науке. На них затрачивают средства, их учат со скрежетом зубовным *терпимые* учителя из прежних педагогов, им дают стипендии, а их семьям, если они женаты, назначают пайки, их с огромными усилиями «втягивают в учебу» (какая гнусная терминология), «законтрактовывают», т. е. всячески связывают по окончании курса, потом учат через силу (множество туберкулезных, массовые самоубийства и постоянные нервные расстройства), нагнетательно вгоняют в

них науку, делая ударение исключительно на прикладное, избегая теорий, не допуская углубления... И тех, кто кончает, называют новыми людьми. На деле, одни из них становятся интеллигентами, что-то постигают в науке, невольно *отрываются* от серой массы своего класса, другие, не восприявшие науки, либо выбиты окончательно из колеи, либо самоуверенно считают себя на все пригодными, — и вот последняя категория и есть величайшее зло. Из них теперь вербуются «деканы» и начальники учебных заведений, «главки», директора фабрик и институтов и т. п.
189-190

Вот историйка одного высшего учебного заведения, уже сменившего несколько подведомственностей, но получающего субсидию от казны. Это *Высшее инженерное строительное училище* (кажется, так, в просторечии ВИСУ): в тяжелые годы недопускания интеллигенции, в 1927-28 гг., создалась группа человек в 20 молодежи из генеральских, помещичьих, купеческих, духовных семейств. Т. к. все они прошли недурную школу и хорошо готовились в «вузы», выдержали отлично испытания туда, но оставались за флагом «по социальному признаку», то решили заниматься сами. Пригласили двух студентов в консультанты и принялись изучать математику, физику, химию. Дело пошло хорошо, энтузиазму было много, подготовка и умственные данные достаточные. Группа разрослась до 100 чел., потом выпросили себе где-то разваленный сарай, выскоблили, вымыли и выкрасили его, продолжали занятия - и на этой стадии были замечены. Оценили их коллегиальность, самочинность, пошли хорошие слова - «коллективно», «собственными усилиями», «по-советски» и т. п. Группу решили приютить, дали ей приличное помещение, а для полного упорядочения начали «орабачивать», влили что-то 70% «рабочих от станка». И что же? Сейчас это «вуз», занятия — в здании наркомата [?], но — из первой сотни энергичных создателей этой школы остались — 5 (sic!). Остальные вычищены по социальному признаку.
190

В средней школе «унтер» Бубнов строит *программы,* гвоздь которых в *политехнизме.* Школа превращается в какую-то мастерскую, где учат «понемногу, чему-нибудь и как-нибудь»; окончивший такую школу в 17 лет должен, по словам программы, занять любое место, столяра или слесаря, *все равно.*
190

Даже Академию, казалось бы, прежде всего *научную лабораторию* страны, превращают в конгломерат прикладных институтов, задача которых создавать *ценности* (в прямом смысле слова) для страны. Уже обречены на новое *изничтожение* или естественное *отмирание* такие отрасли, как славистика, византийство, палеография, филология вообще и т. д. Состав академиков пополняется в области гуманистических наук подозрительными фигурами, и только в естествознании и математике дело обстоит несколько лучше (там не пускают тех, кто где-либо высказывался по *общим* вопросам *философского* характера).

191

Аресты не унимаются. Слухи про арест «хозяйственни- ков»-профессоров, из числа лиц, много и усердно работавших с советским правительством; говорят про арест Кондратьева и *Чаянова* (последний сильно расшаркивался перед правительством).
194

[С.Ф. Платонов]
Сообщают о состоявшемся аресте московских историков: Любавского, Готье, Егорова. Первый академик, второй и третий видные работники Ленинской библиотеки. Первый и второй - русские историки, работавшие много и в архивах, где они служили, первый и третий, по приглашению Покровского, участвовали в неделе русских историков в Германии в прошлом или позапрошлом году.
Аресты идут опять усиленные. По линии адвокатуры - Брусиловский(?), ряд других, и даже Коренев, старик, ког-да- то бывший председателем совета присяжных поверенных Московского округа. Другая линия - старик Прянишников (Петров, с.-х. Академии), лет 70, работавший по программе очень левой, и огромное количество молодежи из Наркомзема и ЦСУ. Третья линия - крупные спецы в области техники: *Осадчий,* чьи статьи, полные энтузиазма, постоянно появлялись в советских органах; *Рамзин,* первейший авторитет в области теплотехники.
Что это такое? Некоторые уверяют, что это начало своего рода «раскулачивания» интеллигенции, теперь можно обойтись *без нее,* а ее мозги можно держать в тюрьме и даже эксплуатировать при случае.
О мостовике Велихове передают, что его и допрашивали- то мало, а расстреляли по обвинению в том, что будто бы поддерживавшаяся им постройка моста у Черкасс отвечала интересам *польского* военного командования.
211-213

Аресты, аресты без конца.
Уничтожение интеллигенции, очевидно, одно из звеньев плановой пятилетки. О плановом устранении представителей этой «касты» говорят совсем открыто. Пример — фельетон в «Известиях» от 19-го авг. [1930 => "Распад касты"]
214

Имена: проф. Каратыгин, проф. Рязанцев, два брата Фиш- зона, агроном Дроздов, все имена мало импонирующие. Но главное - пытаются «сшить» это дело, вызванное, по-видимому, желанием свалить на кого-либо вину в провале пятилетки (как провал в крупной металлургии свалили на шахтинцев), с «идейным» воздействием той группы лиц, чей арест еще недавно вызвал общее недоумение и ужас (Громан, Кондратьев, Макаров, Садырин, Юровский и др.). Из последних имен с особой яростью налегают на Кондратьева,

Громана и старика-полевода Дояренко из Петровской Академии. Несколько затушевывают сейчас Садырина, Чаянова.
224

изничтожение культурной интеллигенции — дело ближайшего будущего. Теперь на очереди, очевидно, грандиозное дело об «измене», «шпионаже» и т. п. остатков российской профессуры: «русская история» уже арестована целиком, дело строится в Питере, который «соцсоревнуется» с Москвой.
224

Сейчас проводится в средней школе «политехнизация». Ее, разумеется, и понимают различно (повторяется история с модными несколько лет назад лозунгами «трудовое начало» или «дальтон-план», над которыми побились-побились и бросили, ничего не добившись), и выполнить не могут за отсутствием: 1) соответствующих учителей, 2) каких бы то ни было пособий, мастерских и т. п. Набиты школы ужасно. [...] Учителя все переподготовляются или уходят на «обществ, работу» [...] Уровень учащихся падает, а если кто из детей чему-либо научится, то это помимо школы, большею частью от интеллигентных руководителей или родителей, - и такому ученику все равно нет хода, разве что притвориться левым, пристроиться к «производству», т. е. затратить массу времени и энергии на чуждое дело.

Руководство школами стараются обеспечить партийцами. Во главе оказываются трамвайные кондуктора, текстильщики, наборщики. Если они люди добрые, еще ничего себе, — но тогда их быстро снимают за «разложение». Если они с партийной фанаберией, т. е. уверенностью в том, что могут справиться со всяким делом, то получается чушь. В химическом техникуме (быв. 3-е реальное училище) трамвайный слесарь, став заведующим, сделал выговор химику-руководителю за зряшные траты: тот купил фильтровальной бумаги для лаборатории.
226-227

Университет сломали совсем. Через каждый месяц меняются деканы на всех больших факультетах, ныне институтах. Недавно на «физмех» (это физико-механический институт вм. физико-математического факультета, где, как видно из названия, просто вычеркнули *математику)* назначили в деканы какую-то еврейку-естественницу, Быховскую, но она, как баба глупая и невежественная, держится за мужчину, некоего Иуду Соломоновича Закгейма, который преподает... диалектический материализм и вертит всем учреждением. Быховская сместила интригами какого-то партийца, своего предшественника, и сама скоро уступит место очередному «выдвиженцу».
227

Хороша и готовящаяся «смена». В ней процветают только еврейчики. Со склонностью к паразитизму и отвращением к труду, они очень легко берутся за всякое чтение лекций и читают о чем угодно, особенно любят излагать всякую «теорию», — диалектический материализм отличная для них тема, кормятся ею. Хуже с российскими головотяпами; способных всех отшивают,

ибо они шире по взглядам и чаще всего могут быть откинуты по социальному признаку. Оставшиеся - серые, самодовольные, тупые. Недавно преподаватель языка спрашивает такого аспиранта-историка, знает ли он франц. язык. Оказывается, не знает и «не интересуется» им. — «Как? историку не нужен язык страны, где происходила Великая революция, где была Коммуна»? — Ответ: «Мы, марксисты, интересуемся только *динамикой* исторического процесса; страна, где 50 лет не было никакой революции, нам абсолютно не интересна» (!!!).
228

Аресты продолжаются. Мало уж и осталось на свободе крупных техников, инженеров, химиков, экономистов. Попутно доканывают и вообще интеллигенцию.
237

В вузах [...] не только «работают», проходят «учебу» бригадами, там, для острастки толковых студентов, и сдают работу бригадами. В случае плохого ответа идиотов, на основе круговой поруки, *вся бригада,* вместе с талантливыми, считается не сдавшей. Так *насильственно* заставляют способных и подготовленных отвечать за дураков и невежественных. А каков уровень ныне насильственно внедряемых в высшую школу студентов, об этом свидетельствуют «Известия» от 15дек. под заглавием «Вооружить хорошей подготовкой вузовский молодняк». Оказывается, что в *специальные* технические учебные заведения высшие принимаются люди, которых надо готовить по *среднешкольной* математике и которые зачастую оказываются вообще неспособными ни к какой «учебе». Процветают «подгоночные» и даже «нулевые» группы для такой «подготовки». Возлагается *ответственность* за это опять-таки на способных и подготовленных, в виде «общественного буксира».
264

В Электротехническом институте из 212 студентов, присланных с курсов, пришлось отправить на переподготовку 190. Для них создан ряд подгоночных групп по средней математике. И это в то время, когда из 60 товарищей, окончивших рабфак, только четыре оказались недостаточно подготовленными
265

В Институт инженеров путей сообщения в нынешнем году было принято на первый курс 1 600 чел. Половина из них брошена на практику и работает в Ленинградском железнодорожном узле и в порту; остальные 800 проходят теоретическую подготовку. Проверка этих товарищей выявила необходимость организации двух групп - подгоночной и нулевой. На этих двух группах сейчас работают 350 чел., причем во вторую группу входят 50, вовсе снятых из-за слабой подготовки с вузовской учебы.
265

В Котлотурбинном институте, созданном на базе бывшего политехникума, положение несколько лучше. В этот вуз попали исключительно высококвалифицированные рабочие. Но и здесь на 200 студентов, присланных от курсов, пришлось создать три подгоночных группы.
266

В Лесотехнической Академии 250 студентов, направленных на подготовку и переподготовку, разбиты в зависимости от качества своих знаний на три группы, причем в нулевую группу входит 35 чел.
266

см. 265-266

[по нисходящей]
Обычно ход такой: «молодняк», тупой и всегда *менее* образованный, чем предшествующее поколение, завидуя занимаемым «местам», набрасывается сворой на вчерашний «столп и утверждение истины» и травит его за «отступления» от подлинного марксизма, ленинизма и даже сталинизма. С «покойниками» обращаются еще вежливо (так, «слегка» оплевали Плеханова), живых же форменно «умучивают». Недавно свергали Переверзева (который перед тем «грыз» всех «идеалистов»), доведя его до обморока на кафедре во время «прений», а потом изгнав его из всех учебных заведений, где этот «профессор» читал лекции, и лишив его возможности писать (в насмешку, после этого иногда дают «путевку» в дом отдыха, иногда небольшую пенсию). — В таком же роде была травля экономиста-теоретика Рубина, человека образованного, но обвинявшегося в меньшевизме. Травля Чаянова и К0 закончилась, как известно, заключением в ГПУ всех сел.-хоз. экономистов и попыткой создания большого «дела», еще не законченного. — Потом свергали разных «искусствоведов».
275

Далее принялись за *Деборина:* сей неважный, но все же единственный «философ» марксизма, с помпой и насилием проведенный в Академию, вызвал зависть своим «возглавлением» философии. И вот его «взгрели»: «доказали» у него наличие чуть ли не «идеализма» и довели философа (кстати сказать, весьма резко травившего перед этим всех инакомыслящих) до того, что он бросил все и заболел манией преследования. 21 янв. он ушел из дому, оставив записку на тему, что такой жизни он выносить больше не может. Перепуганные окружающие бросились его искать; говорят, поставили на ноги ГПУ и нашли Деборина обмерзшим *(без* членовредительства) где-то в Петровском что ли парке: хотел, говорят, покончить жизнь «самоубийством» - замерзнуть. Событие оценено различно: одни находят, что это была бы «красивая» смерть философа; другие напирают больше на то, что настоящая фамилия философа - Иоффе, чем объясняется метод попытки к самоубийству.
275-276

Теперь на очереди *Покровский.* Борзому молодняку уже роздали по страницам учебники возглавителя истори- ков-марксистов с заданием отыскать расхождения с Марксом и Лениным. Уже, говорят, Покровский «взял назад» некоторые свои заблуждения. Речь идет, как говорят, не более и не менее как о полном отрицании торгового капитала, который у Покровского везде, чуть ли не с Адама, утверждают теперь, нет у Ленина (?), ибо сей последний говорил о капитале *вообще* и только для последней эпохи выделил капитал финансовый (но не Гильфердинг ли это содеял?). Почему-то все радуются разносу Покровского. Передают, что грязнуля Халатов, глава Госиздата, в присутствии многих заметил про Покровского: «Ну, этому печенки отшибут посильнее, чем Переверзеву»! - Хорошенький тон антропофагов и пауков в банке! - Подкапываются и под *Рязанова*, которого хотят, будто бы, сплавить в почетную ссылку: в Германию, на месте заведовать изданием сочинений Маркса и Энгельса. Его «особнячок» в виде английского коттеджа (давно ли он был предметом травли в «Комсомольской правде», - но тогда за это «слетел» зарвавшийся редактор этой газетки) давно уже вызывает зависть институтского «месткома». Показателем «упадка» Рязанова может служить будто бы состоявшийся разговор Рязанова с Фридляндом: Рязанов заметил ему: «Великое дело, издали Вы всего одну книгу», на что Фридлянд ответил: «Одна, да моя, а Вы издали сорок одну, но все *чужие».* По существу, верно, ибо Рязанов *ничего* оригинального не написал, а только издавал. А ведь тоже проведен был с помпой в академики.
276

Создание «науки» путем форсированного «выдвижения» никак не удается. Передают, что из отборной «тысячи», посылавшейся на колхозную пропаганду, отобрали 100 челов. (точнее 98) и засадили их... за Гегеля (!!). В результате усердных занятий - острое переутомление, 5 случаев помешательства. Теперь отпустили несчастных на двадцатидневный отдых (!!).
Выдвиженство в области *искусства* дает также неожиданные результаты. В области графических искусств невежественные авторы «сочиняют» рисунки для распространения в массах, не имея часто ни малейшего понятия об изображаемом. Один выдвиженец, напр., прочитав детскую брошюру о самоедах, нарисовал картинку, как маленькие самоеды лепят *пятиконечную звезду* из снега. Объяснение: у них только и есть снег, из чего же им лепить? - В *консерватории* выдвиженский состав устроил... отхожее место в великолепном дервизовском органе. Уж не есть ли это своего рода антирелигиозная пропаганда?
276-277

Неудивительно, что Академия Наук выключила из состава академиков Платонова, Любавского, Лихачева, Тарле, ввиду того, что они оказались замешанными «в заговоре против советской власти». Это исключение произведено было в торжественном годичном заседании Академии (где академик Иоффе, м.п., договорился до утверждения, что будущее физико-химии в Советском Союзе... [неразбор.]), но этому заседанию предшествовало *закрытое,* содержание которого было потом, с соответствующей руганью,

сообщено в питерских газетах. А именно, акад. *Карпинский,* президент Академии, отстаивал намеченных четырех академиков [...]
В печати уже началась (в Питере) травля Карпинского, с указанием, что за последние двадцать лет (Карпинскому 82 года!) он будто бы ничего нового не дал науке (старик по сию пору делает сообщения и печатает ежегодно по несколько статей, результатов непрестанной работы) и т. п.
285

Да, не везет Академии Наук. Старые ее силы — Платонов и др., выбрасываются за «монархические» заговоры; новые, марксистские: Фриче помре, Деборин объявлен еретиком, Рязанов — изменником партии (не прошло года, как «чествовали» Рязанова с днем его шестидесятилетия). И этот библиофил и архивист, типичный Herausgeber, не давший ни одной большой самостоятельной работы, попал в Академию, а теперь его же однопартийны «доказывают» незначительность его размеров.
Надо полагать
288

В высших учебных заведениях упорно и нагло проводится вытеснение хорошо подготовленных и пригодных к научной работе интеллигентов. Небольшая группа соучащихся, человек в 10-15, из которых некоторые - комсомольцы, а затем примазывающиеся, «обсуждает» своих товарищей. Обвинения в таком роде: чересчур близок к профессору, а профессор - нам классово чужд; работает у профессора по *иностранным* книжкам («мы», конечно, как пролетарии, языкового образования не получили); задает постоянно вопросы профессору(!). Подобные обвинения обычно заканчиваются выводом: такой- то не наш, а потому его нельзя оставлять для научных занятий («нам нужны классово выдержанные ученые»), нельзя даже оставить в Москве, а надо по окончании услать «на периферию» для узко прикладной работы (это применяется к людям, годным на исследовательскую работу) под надежное партийное руководство.
Студенты придумали было выход: чтобы не получить такого «волчьего паспорта», они сами уходят из университета, научившись уже кое-чему, - едут в провинцию, становятся на работу, а затем, через год-два, возвращаются в Москву, где институты, страдающие от недостатка квалифицированных работников, охотно берут к себе эту молодежь, которая быстро завоевывает себе место уже на работе научной.
Но это «подметили» и всячески ограничивают институты в их подборе своих сотрудников.
289

посажен акад. Лазарев, крупное лицо из Госиздата - Каган, почему-то академик М. М. Покровский (классик).
291

Молодежь растет новая, послушная, легко убеждаемая, ибо не критикующая. В б. университетах творится что-то несосветимое. Факультетов нет, есть

какие-то чуть ли не «производственные цехи» (в Сел.-хоз. академии так буквально). Последняя новинка - 8-часовой рабочий день с занятием одним предметом в течение всех восьми часов (может же рабочий все 8 часов делать, напр., пуговицы или гребешки, отчего же не заняться 8 часов кряду «истматом» или «диаматом»). Науки, в сущности, упразднены. То, что осталось, снижено до уровня скудного понимания серой массы.
На специальных даже курсах в университетах процветают преподавателями учителя прежней средней школы или молодые аспиранты, порой не кончившие даже сами университета.
292-293

Каждый №№ газет полон самовосхваления, реклам [...] Мы невероятно «развернули» школьное дело, а учителей нет: в этом году нужно 75 000 новых учителей, а будет - 40 000 (цифры из газеты), и какие учителя: давно уже 3/4 педагогов и не нюхали школы.
319

==========

На съезде историков-марксистов окончательно объявлен буржуазным — исторический, или экономический материализм, ибо и «буржуазные историки иногда принимают экономический фактор за главный, и даже единственный». И классовую борьбу принимал даже Гизо. А вот Ленин ввел понятие диктатуры пролетариата, которая *осуществит* сознательно, путем власти, все, что нужно. Знаменитый «прыжок из царства необходимости в царство свободы», следовательно, совершился, и им оправдывается вмешательство лиц или партии в *сознательное* перестроение мира. Итак, воскрешение лавризма, бакунизма, «субъективного взгляда», личности и т. д. Зато робкое стремление некоторых «историков-марксистов» говорить об *объективной* (а не откровенно классовой) трактовке исторических тем заслужило упрек в «заакадеми- зировании» (каково словечко!!).
81-82